

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Ю. Л. ПИВОВАРОВ

Урбанизация России в XX веке: представления и реальность

Встарь богатейшими странами были те,
природа которых была наиболее обильна;
ныне богатейшие страны - те, в которых
человек наиболее деятелен.

Генри Бокль. 1861

Двадцатый век настолько обнажил
конструкции людской несовершенство,
что явно и надолго отложил
надежды на всеобщее блаженство.

Игорь Губерман. 1992

Причины кризиса урбанизации в России 90-х годов XX века следует искать, прежде всего, в той модели городского развития, которая была принята в советское время, а в более широком историческом контексте - в многовековом расхищении людских и природных ресурсов в ходе экстенсивного освоения огромных территорий вместо использования для подъема страны интенсивных факторов в ареалах преимущественного развития. И уж никак эти причины не связаны с реформами последнего десятилетия (которые только высветили тяжелое урбанистическое наследие прошлого) и прочими утверждениями "певцов социализма". Вот почему так нужна сегодня более реальная, по сравнению с распространенными абстрактными, традиционными представлениями, а то и мифами, оценка главных итогов урбанизации России.

Как известно, в бурном XX столетии урбанизация в России стала важнейшим рычагом модернизации общества. Незавершенный, переходный, двойственный характер советского варианта модернизации (консервативная модернизация, по А. Вишневскому) все чаще рассматривается как ее важнейшая черта. Выйдя за рамки традиционного, российское общество не стало и вполне современным; переход от аграрной экономики к индустриальной сопровождался ее милитаризацией; периоды реформирования сменяли годы застоя, консолидации - расколом общества и т.д. [Ахиезер, 1997; Вишневский, 1998; Трейвиш, 2000⁶]. Такой же незавершенный, переходный,

П и в о в а р о в Юрий Львович - доктор географических наук, профессор Московского городского педагогического университета.

ущербный характер был присущ советской модели урбанизации, которая сложилась в 1930-1980-е годы, а частично формировалась еще и до 1917 года. Суть этой модели - радикальные изменения при сохранении многих основополагающих звеньев традиционалистского социального устройства.

В этом контексте важно представить все своеобразие советской урбанизации и, прежде всего, понять, каким образом городской взрыв в рамках большого государственного эксперимента завершился в конце концов острым кризисом. В его основе - непоследовательность советской модели урбанизации вообще и противоречие между серьезными количественными и далеко недостаточными качественными изменениями. Быстрый рост и концентрация городского населения в выборочных точках огромной территории страны, формирование значительной сети городских поселений после 1917 года заметно опережали процессы адаптации вчерашних сельских жителей к городскому образу жизни, усвоение ими городской культуры, новой системы ценностей. Городской рост не был достаточно подкреплен как экономическими возможностями, так и социальными приоритетами государства.

Какое-то время удавалось обеспечить быстрый рост городов и концентрацию населения в индустриальных центрах, осуществлять довольно эффективно экономические и технические перемены при сохранении многих традиционных существенных особенностей российского общества - архаично-экстенсивном характере городской деятельности, сельском общинном сознании "новых горожан", их аграрном менталитете, низком уровне жизни и т.д. Но это продолжалось недолго. Катастрофа наступила, как часто бывает, внезапно, причем в открытой еще ветхозаветными пророками форме: кульминационный момент торжества "социалистического" города обернулся моментом его краха, острого кризиса.

Более общие причины кризиса связаны с историческими особенностями развития российского общества, прежде всего со слабостью городских цивилизационных процессов, с чрезмерным миграционным давлением на сложившиеся большие города, с наплывом туда маргинальных слоев [Коган, 1998]. Конкретные причины в рамках цивилизационного подхода помогает объяснить антропокультурная парадигма урбанизации [Пивоваров, 1999]. Она особенно хорошо "работает" в стране, где многие десятилетия урбанизация была только побочным продуктом индустриализации, а человек - всего лишь "винтиком" огромной государственной машины. Ведь если основу урбанистического развития составляет человек с его разнообразными потребностями и возможностями, то становится закономерным неизбежный "провал" советской модели урбанизации, связанной с резким отставанием СССР-России от общепринятых в развитых странах норм и стандартов образа и качества жизни горожан, их культуры, доходов, состояния городской среды и т.д.

Таким образом, выход из кризиса надо искать, прежде всего, в создании нового типа горожанина, который способен сам себя прокормить, восприняв естественный переход от вялотекущей архаики к динамичной современности, и поэтому не нуждается в иждивенчестве, воспитанном советской системой. Сегодня это главный путь выхода из урбанистического кризиса, который может "примирить" последствия городского взрыва и сложившейся консервативной модели урбанизации.

Городской взрыв

Стремительность роста городского населения - один из главных результатов развития урбанизации России в XX веке. Городская революция привела к более чем десятикратному увеличению численности горожан, коренным образом изменив облик страны, всю картину расселения и размещения ее населения.

Согласно первой всеобщей переписи населения России, в 1897 году городское население не достигало 10 млн, т.е. составляло 1/7 населения в современных границах (в границах Российской Империи - свыше 20 млн). Но уже к концу 1930-х годов горожане составляли 1/3, в 1957 - 1/2, а в 1991 году - почти 3/4 населения России, достигнув наивысшей в XX веке численности - 109,8 млн человек.

Динамика численности населения России в XX веке*

Годы	Все население (млн человек)	в том числе		В общей численности населения (%)	
		городское	сельское	городское	сельское
1897 (в границах Российской Империи)	128,2	20,1	108,1	16	84
(в современных границах)	67,5	9,9	57,6	15	85
1914 (в границах Российской Империи)	165,7	30,6	135,1	18	82
(в современных границах)	89,9	15,7	74,2	17	83
1917	91,0	15,5	75,5	17	83
1920	88,2	12,5	75,7	14	86
1926	92,7	16,4	76,3	18	82
1937**	103,9	34,3	69,6	33	67
1939	108,4	36,3	72,1	33	67
1940	110,1	37,9	72,2	34	66
1951	102,9	45,9	57,0	45	55
1956	112,3	55,4	56,9	49	51
1959	117,5	61,6	55,9	52	48
1961	120,8	66,1	54,7	55	45
1966	127,2	74,7	52,5	59	41
1970	130,1	81,0	49,1	62	38
1976	134,7	91,1	43,6	68	32
1979	137,6	95,4	42,2	69	31
1981	139,0	97,7	41,3	70	30
1986	143,8	104,1	39,7	72	28
1989	147,4	108,4	39,0	74	26
1990	148,0	109,2	38,8	74	26
1991	148,5	109,8	38,7	74	26
1992	148,7	109,7	39,0	74	26
1993	148,7	108,9	39,8	73	27
1994	148,4	108,5	39,9	73	27
1995	148,3	108,3	40,0	73	27
1996	148,0	108,1	39,9	73	27
1997	147,5	107,8	39,7	73	27
2000	145,9	106,5	39,4	73	27

*Данные приведены за 1897 год - по первой всеобщей переписи населения на 9 февраля; за 1926 год - по переписи на 17 декабря; за 1937 год - по предварительным данным переписи на 6 января; за 1939 и 1979 годы - по переписи на 17 января; за 1959 и 1970 годы - по переписи на 12 января; за остальные годы - оценка на 1 января.

** Без учета численности военнослужащих РККА и погранохраны НКВД.

В динамике городского (как и сельского) населения знаменателен 1929 год - "год великого перелома". Всего за 8 лет (с 1929 по 1937 год) городское население России выросло более, чем вдвое; его прирост составил 18 млн человек. На последующее удвоение числа горожан понадобилось уже 25 лет (правда, не будем забывать, что в этот период входят и годы Великой Отечественной войны). Впоследствии темпы роста городского населения постепенно снижались, а в 1990-е годы мы впервые столкнулись с отрицательными значениями показателей роста.

Динамика численности общего и городского населения России в XX веке отражает крупные социальные потрясения, вызванные Первой мировой и гражданской войнами, голодом и репрессиями 1930-х годов, Второй мировой войной и, наконец, системным кризисом 1990-х годов (см. табл. 1). Эти четыре события заметно изменили нормальный ход формирования демографической базы страны в целом и ее городской составляющей в особенности, оказав большое негативное воздействие на весь процесс урбанизации. Ведь потери городского населения из-за отмеченных социальных кризисов оцениваются приблизительно в 40 млн человек. Они заметно сузили демографическую базу урбанизации и тем самым осложнили процессы формирования крупнейших региональных центров, освоения огромных территорий на востоке страны, оздоровления малых городов и сельской местности, не говоря уже о многих других задачах, по сей день так и остающихся актуальными.

Тем не менее нельзя не признать, что процесс формирования сети российских городов, особенно крупных, как и сам рост городского населения, в XX веке был впечатляющим. В 1897 году в России (в современных границах), помимо двух столиц-миллионеров Санкт-Петербурга (1265 тыс. жителей) и Москвы (1039 тыс.) имелось лишь 7 городов-стотысячников: третий город по величине - Саратов (236 тыс.), а также Казань, Ростов, Уфа, Тула, Астрахань, да еще Кенигсберг-Калининград [Harris, 1970]. В 1939 году таких городов стало уже 52, причем значительно выросли их размеры. Особенно это касается Москвы, население которой выросло до 4183 тыс., и Ленинграда (3385 тыс.). Отмечу также Нижний Новгород (Горький) с 644 тыс. человек, Ростов (510 тыс.), Новосибирск (404 тыс.). В городах-стотысячниках концентрировалось 18,3 млн жителей, или свыше 1/2 российских горожан. И это было только началом стремительной концентрации населения России в городах-лидерах, достигшей апогея в 1960-1970 годах. Однажды придя в движение, страна не успокаивалась многие десятилетия. В результате к концу XX века в России насчитывалось уже 168 городов-стотысячников, в том числе 13 городов-миллионеров и 19 - с населением свыше 500 тыс. человек, в которых было сосредоточено 62% всех горожан.

Волны сельской миграции, особенно мощные в 1930-х и затем в 1950-1970-х годах, буквально "затопили" города России (как и всего СССР), определив основную коллизию российской урбанизации на многие десятилетия и истоки ее нынешнего острого кризиса. Становление городской цивилизации с самого начала катастрофически отставало от роста городов, колоссального наплыва сельского населения в старые и новые центры, которые не успевали это население сколько-нибудь серьезно "переварить". По расчетам Ж. Зайончковской, сельская местность России (отчасти и других республик СССР) только в 1951-1980 годах в результате миграции отдала городам 37,8 млн человек, и еще 5,2 млн города "получили" благодаря преобразованию сельских поселений в городские [Зайончковская, 1999, с. 15]. С таким наплывом вчерашних крестьян, их адаптацией к городской среде с иными правилами игры и новой системой ценностей справиться было очень сложно, если не невозможно. А проблема качественных изменений российского города и человека в городе на десятилетия стала и остается сегодня "проблемой № 1".

Советская модель урбанизации

Формирование урбанизации в 1930-1980-х годах отражало, с одной стороны, некоторые универсальные черты этого глобального процесса, а с другой - его российскую специфику и своеобразие социального эксперимента, который был проведен после 1917 года. В целом процесс урбанизации развивался масштабно, сложно и противоречиво. Отчетливо проявилась двойственность советской модели урбанизации - радикальной в одних отношениях (рост и концентрация городского населения) и консервативной в других (адаптация сельских жителей к городской среде и т.д.).

Особенно серьезным и заметным оказался разрыв между двумя этапами типичной эволюции урбанизации. Первый связан с переселением в города основной массы

населения, сменой занятий и т.д. (количественные показатели). Второй характеризуется утверждением городского образа жизни как феномена культуры и современной цивилизации (качественная сторона). В развитых странах Запада достаточно давно завершены оба этапа, тогда как в России и в большинстве постсоветских республик (за исключением стран Балтии), как и в развивающихся странах, процессы адаптации сельских жителей к городскому образу жизни, овладения ими городской культурой, соответствующей системой ценностей, нормами поведения и т.п., еще очень далеки от завершения [Пивоваров, 1999].

В этом важнейшее отличие современного этапа урбанизации в России и стран Запада, отражающее особенности исторического, социокультурного и государственного развития нашей страны. Так, советские приоритеты всегда ограничивали "вложения в человека", с которыми в первую очередь связана подлинная урбанизация. Этому соответствует сохранившаяся и поныне в некоторых географо-градостроительных работах традиция рассматривать, прежде всего, материально-производственную, а не антропокультурную основу урбанизации. Между тем в мировой, в том числе и в российской, географии растет понимание того, что в постиндустриальную эпоху "качество" населения, его культура нередко становятся наиболее важными и вполне материальными факторами развития.

Вот почему для оценки реальных итогов российской урбанизации столь важен антропокультурный подход. Именно он помогает поиску цивилизационных истоков городского кризиса 1990-х годов. И наоборот, возвращение вновь и вновь к рутинным чертам урбанизации (роли промышленности, развитию городов разных типов, наукоградов и т.д.) мало что добавляет к анализу современного состояния городов и тем более к попыткам прогноза урбанистической эволюции России на ближайшие десятилетия.

С учетом сказанного целесообразно рассмотреть наиболее важные особенности советской модели урбанизации.

1. Переходный, ущербный, незавершенный характер развития урбанизации как следствие форсированной индустриализации. Со свертыванием нэпа в традициях городской жизни произошел радикальный перелом: едва начавшие складываться в конце XIX - начале XX века "снизу" се зачатки (через рынок, товарно-денежные отношения и т.д.) были заменены иными принципами, давшими ход чрезвычайно противоречивому процессу. Перелом в городском развитии, прежде всего быстрые темпы увеличения городского населения, связан с переходом к плановому хозяйству.

Именно тогда, с конца 1920-х - начала 1930-х годов городское развитие было как бы "пристегнуто" к "развернутому социалистическому строительству", прежде всего к форсированной индустриализации. С тех пор индустриализация и урбанизация стали неразрывны в истории советского общества. Соответственно были отечеканены социально-фадостроительные и архитектурные образцы, по которым спешно строились и развивались многие десятилетия (вплоть до начала 1990-х годов) поселения разных типов и размеров. Они были обречены на выполнение основной функции - придатка производства, некоторой "тары" для размещения персонала [Ахиезер, 1995].

Будучи универсальным процессом XX века урбанизация в рамках советской версии социализма обрела не только свое социальное содержание, но и особый государственный движущий механизм. Как и индустриализация, урбанизация оказалась ускоренной, форсированной, поспешной, отсюда многие ее ущербные черты, специфика, а в чем-то и уникальность и парадоксальность [Шкаратан, 1990; Сенявский, 1999].

Переходный, незавершенный характер урбанизации более конкретно выражается, например, в том, что далеко не все городское население и поныне включено в городской образ жизни по характеру занятости, уровню обслуживания, разнообразию досуга и т.д. В общем приросте городского населения страны примерно 70% составляли вчерашние сельские жители. Чрезмерная миграция из села в город в ряде районов

усугублялась непродуманными административными преобразованиями сельских территорий в городские. Все это способствовало возникновению явления, известного в литературе как "ложная урбанизация". Оно характерно для многих развивающихся стран, а в СНГ, прежде всего, для государств Средней Азии и обусловлено чрезмерным (но сравнению с необходимым) перетеканием сельского населения в города, особенно в столичные и крупнейшие, и вообще диспропорциями в территориально-экономическом развитии страны, ее регионов и центров.

Чрезмерная миграция наблюдалась и в города России. Она имела негативные последствия не только для города, но и для села. Число сельских населенных пунктов в России сократилось между переписями населения 1959 и 1989 годов почти вдвое (с 294 до 153 тыс.) главным образом за счет мелких сел до 500 жителей, а численность сельского населения упала с 55,0 до 39,1 млн человек.

На взаимоотношениях города и сельской местности в бывшем СССР сказывалась некоторая деформация отраслевой структуры занятости при сравнительно низкой производительности труда в промышленности и особенно сельском хозяйстве. Поэтому соотношение доли городского населения в СССР (66% в 1989 году) и доли занятых в сельском хозяйстве (20%) было далеким от нормального. Проведенный Г.Горностаевой сравнительный анализ общего характера взаимосвязи этих показателей позволил предположить, что при существующей тогда в СССР занятости в сельском хозяйстве доля городского населения должна составлять примерно 60%. Это подтверждает версию об излишней миграции сельского населения в города, которые были к этому еще недостаточно подготовлены [Горностаева, 1989]. Сказанное полностью справедливо и для современной России.

2. Жесткое централизованное регулирование городского развития с минимизацией затрат на человека. С конца 1920-х годов определяющую роль в городском развитии стала играть директивно-плановая экономика. Гипертрофированная и сжатая во времени концентрация населения в крупных городах в период форсированной индустриализации требовала распространения жесткого централизованного планирования и на городское развитие со всеми соответствующими атрибутами (командно-административной системой управления, контролем из центра за использованием ресурсов, их расходом в соответствии с утвержденными приоритетами и т.д.).

Поэтому очень быстро плановое начало охватило все стороны городской жизни, включая социальные, демографические, культурно-бытовые, градостроительные аспекты, но не как имеющие самостоятельное и тем более приоритетное значение, а только как средство обеспечения главной цели - индустриального рывка любой ценой. При ограниченности ресурсов главным условием выполнения таких планов стала дешевизна промышленного и иного хозяйственного строительства. Она обеспечивалась своеобразной системой организации производства, включавшей нищенский уровень жизни рабочих и - в ряду других - своеобразную "городскую политику", сутью которой была минимизация расходов на человека в городе путем жесткой экономии на жилищно-коммунальном строительстве, социально-культурной сфере, городском транспорте и т.д. и т.п. [Сенявский].

Тем не менее всевластие планового начала было фикцией, по сути, оборачивалось хаосом, произволом и бесконтрольностью. Считалось, что вопросы о том, где и какие строить заводы и города решались центральными планирующими органами "на научной основе". Но на деле, без инструментов рыночного ценообразования, позволяющих судить о спросе, предложении, издержках и т.п., эти органы просто не имели объективных критериев для принятия решений. Зато свобода субъективных оценок, политического давления, коррупции была очень велика, господствовали случайность и произвол при распределении капиталовложений в промышленность и городское хозяйство [Вишневецкий, с. 100].

3. Сельские корни - одна из фундаментальных особенностей советской урбанизации, во многом определяющая специфику ее развития в XX веке. После 1917 года в течение нескольких лет в городах, по существу, произошла смена населения: практи-

чески были уничтожены дворянство и старое купечество, вытеснено, растворено и исчезло мещанство, мало что осталось и от квалифицированного, особенно потомственного, рабочего класса. На смену этим основным социальным слоям, составлявшим основу дореволюционного развития города, пришли покинувшие родные места крестьяне. Процесс "крестьянизации" города принял огромные масштабы и имел далеко идущие последствия.

Однородная масса крестьян, хлынувшая в города, прекратилась гам в не менее однородную массу государственных рабочих и служащих, лишенную внутреннего разнообразия, а главное характерных черт средних слоев населения. Отсутствие последних важное следствие особого пути советской урбанизации, основной показателем ее незавершенности и один из факторов, приведших российские города к кризису в конце XX века. Без устойчивой мещанской середины, средних слоев, предпочитающих осмотрительно держаться подальше от краев социального и политического спектра, сочетание стабильности и демократии в стране невозможно.

Подавляющая часть горожан и поныне выходцы из села в первом и втором поколениях. Доля горожан в третьем поколении, по примерным оценкам, меньше 20% (Алексеев, Зубаревич. 1999]. В 1989 году, когда доля городского населения СССР составляла 66%, среди жителей страны старше 60 лет коренных горожан было не более 5-17%, среди сорокалетних примерно 40% и только среди 22-летних и более молодых - свыше половины. Таким образом, и к моменту распада СССР советское общество не стало по преимуществу городским. Жители страны все еще в большинстве были горожанами в первом поколении, полугорожанами полукрестьянами, несли на себе печать промежуточности, маргинальности.

4. Маргинализация городского населения - одно из важных следствии особой пути советской урбанизации, ее незавершенности, ущербности и неустойчивой характера развития. В городах России широкое распространение получили пришедшие на смену старым классам маргинальные слои населения с размытыми жизненными ориентирами, неадекватностью реакций, промежуточным, "пограничным" (между юродскими и сельскиминормами) сознанием, провинциально-деревенским мышлением.

Переселение человека в город - классический пример маргинализации человека. Вчерашний крестьянин не становится автоматически "юродским индивидуализированным человеком". Поначалу это лишь формальное превращение в горожанина, источник огромных, хотя и не всегда осознаваемых социальных напряжений (Вишневский. с. 109). Маргинализацией в СССР-России были охвачены десятки миллионов людей. Городской житель часто был по своему сознанию, ментальности и полу юродским, жил сельскими представлениями, а отчасти и трудом, вне урбанистической культуры [Пивоваров, 1999. с. 147). Одним из путей "подпитки" маргиналов были ежедневные поездки на работу в города из сельской местности (трудоваая маятниковая миграция), получившая значительные масштабы в пригородных зонах агломераций. Она позволяла государству переложить часть расходов и тягот на привлекаемое из сельской местности население. Позднее к маятниковым мигрантам добавился еще один источник рабочей силы - миллионы бесправных городских "лимитчиков", типичных маргиналов, обычно выходцев из деревни, работавших в городах на самых непрестижных местах приложения труда и не имевших постоянной прописки.

Разумеется, по мере укоренения в городах бывших крестьян, крестьянских детей и внуков происходит их вращение в развивающуюся систему городских связей, маргинальность постепенно изживается. Однако скорость этого процесса неодинакова не только в различных социальных условиях, но и у отдельных индивидуумов. Одни всеми силами стремятся к овладению новыми для них культурными богатствами, продвигают огромную духовную работу, чтобы соответствовать более развитой городской среде. Такие люди быстрее проходят лап адаптации и вписываются в новые городские условия. Более того, из их рядов вышла целая плеяда людей, составивших гордость отечественной культуры. Вспоминаются и М. Ломоносов, и К. Циолковский, и П. Сорокин, и многие выдающиеся деятели науки и культуры.

Но есть и масса других людей, пополняющих многомиллионные деклассированные слои маргиналов, с которыми тесно связаны самые различные проявления торможения городского развития, включая распространение социальной патологии в городе.

Маргиналы не случайно оказались в СССР у власти. Это аргументированно показал Вишневецкий на основе анализа данных о месте рождения советской партийной элиты. Интересно, что самой высокой была доля уроженцев города в первых составах руководства времен революции и гражданской войны - как раз тогда, когда доля горожан в населении страны была самой низкой. Позднее, по мере того как доля городского населения росла, партийная элита все больше рекрутировалась за счет выходцев из деревни. В 1930-1989 годах только 7% высшего партийного руководства составляли уроженцы Москвы и Ленинграда, 18% - других крупных городов (областные и республиканские центры), тогда как на выходцев из сельской местности приходилось 47,3% и еще 27,2% - на уроженцев малых городов и поселков, которые по образу и укладу жизни также можно отнести к сельской местности.

Как видим, участие выходцев из деревни и полудеревни в партийно-государственном руководстве преобладающее - около 3/4. Как никогда "сельским" было хрущевское и послехрущевское время. У власти великой державы - и на уровне высшего руководства, и на всех иных уровнях, во всех областях жизни - стояли деклассированные маргиналы, "выдвиженцы" из крестьян [Вишневецкий, с. 98].

5. Поселковая сущность городов - одна из глубинных черт советской урбанизации. Она связана с государственным отношением к урбанизации как побочному продукту индустриализации и, соответственно, со стремлением минимизировать затраты на человека в городе, а также с чрезмерными темпами роста городского населения. Отсюда острая нехватка жилья, недостаточный уровень жилищно-коммунального хозяйства в городах, еще более низкие стандарты обустройства населения в пригородных зонах крупных агломераций, в малых городах и поселках городского типа.

Экономия сказывалась во всем. Вся страна от Калининграда до Владивостока застраивалась стандартными жилыми домами из дешевых панелей и силикатного кирпича при очень низком качестве строительства. Печать той же стандартности и посредственности лежала и на общественных зданиях, на всей материальной среде городов - их планировке, архитектуре, способах освоения пространства и др. Делая минимум необходимого, государство стремилось переложить как можно большую часть расходов и тягот городской жизни на плечи самого населения. В этом заключалось, в частности, объяснение "слободизации" страны: место городов все еще часто занимают слободы, имеющие одну лишь внешнюю форму города [Вишневецкий; Глазычев, 1995].

Излишние темпы роста городского населения России обусловили наплыв огромных масс сельских жителей в разбухающие старые центры или во вновь создаваемые "социалистические" города. Поэтому вместо постепенного вызревания в очаги культуры последние обычно превращались в большие общежития при военных предприятиях-гигантах, в военно-промышленные поселения.

Обычно город как носителя урбанизации характеризует концентрация разнообразия во всех формах деятельности, а в конечном счете - концентрация культуры, высших ее достижений. В советских же условиях многие российские города, даже крупные, нередко сохраняли (и продолжают сохранять) исторически сложившийся "поселковый" характер, ибо они формировались как сумма рабочих поселков при предприятиях. Все это резко снижало качество городской среды, консервировало поселковость, "слободизацию" городского расселения и по сей день остается реальной преградой для развития подлинной урбанизации в современном понимании.

Романтически окрашенные теоретические построения ряда архитекторов и планировщиков 1920-х годов, их мечты об идеальном социалистическом "городе-саде" и тем более дореволюционная практика "стихийного" градостроительства никак не вписывались в глобальную политическую стратегию большевизма. Нужны были "дешевые" поселения при крупных предприятиях. Именно здесь следует искать истоки "безли-

кости" абсолютного большинства советских городов: их дешёвизну обеспечивал единый заказчик (в лице государства, точнее - отраслевых министерств) занятый главным образом производством, а не интересами населения. Он обращался по к единому же подрядчику - государственной архитектурно-планировочной системе, которая "творила" по официально утвержденным, жестким нормативам обеспечивавшим предельную экономию и освобождение от архитектурных "излишеств", в строгом соответствии с примитивными "творческими" канонами [Сенявский]

В завершение картины напомним и о том, что индустриализация осуществлялась в значительной мере миллионами заключенных и ссыльных, а многие очаги ее вития часто представляли собой лагеря и поселки ссыльных. Эти поселения даже с большой натяжкой невозможно назвать городскими, равно как и их обитателей - горожанами, хотя именно лагеря дали импульс развития множеству крупных советских городов и поселков. В конце 1980-х годов журнал "Экономика и организация промышленного производства" ("ЭКО") опубликовал в подтверждение этому карты лагерей восточных районов страны, включая Урал. На них хорошо видно, что лагеря и поселения ссыльных были непременным атрибутом любой более-менее крупной новостройки, разработки значительных месторождений полезных ископаемых организации крупных предприятий и на юге, и на севере этих регионов.

Сказанное объясняет недостаточный уровень благоустройства большинства городов страны, развития их социальной сферы, культуры, запущенность экологии. Этому нередко соответствуют убогость и однообразие застройки, унылость архитектурных решений. Как ни парадоксально, многие города и городские районы в стране оказались лишенными городской среды в ее современном понимании. И это - важнейший тормоз ее урбанистического развития.

6. *Завышенные представления об уровне урбанизации страны* - одно из распространенных заблуждений, прочно утвердившихся в отечественной литературе. Оно основано на количественных показателях (доля городского населения и уровень его концентрации в больших городах), но не учитывает качественных особенностей советской модели урбанизации, о которых речь шла выше. По доле горожан (73%) Россия действительно находится на среднем для Европы уровне и немногим уступает США (76%) и Японии (78%). Но эти статистические "школьные" представления заметно "подтачивает" менталитет большинства горожан, их общинный тип сознания, реальный образ жизни и т.д.

При учете данного фактора оценки самого уровня и характера урбанизации СССР-России заметно меняются: на смену бодрящим рапортам о "городах на пути в будущее" и замечательных особенностей российской урбанизации приходят совсем иные, более минорные, но и близкие к реалиям представления о том, что "Россия в значительной мере оставалась, по сути, сельской страной" [Алексеев...], что она находится только "на пороге урбанизации" [Глазычев], а ее города "одеревенщивались, в этом заключалась одна из характерных черт дивергентного с Западом городского развития" [Вишневский, с. 100]. Именно на таких реалиях основывается вывод о том, что для выхода российских городов из системного кризиса потребуются не годы, а десятилетия, поскольку этот кризис был предопределен всем ходом урбанистического развития России в XX веке и уходит своими корнями за его пределы [Пивоваров, 1999].

Сопrotивление урбанизации времени и пространству

Российской урбанизации в ходе развития не удалось преодолеть сопротивления времени и пространства. И это - один из важнейших итогов урбанистической эволюции страны в минувшем столетии.

К началу XX века Россия значительно отставала от ведущих стран по всем основным показателям урбанизации. Следует подчеркнуть несовпадение понятий "рост городского населения" и "урбанизация", которые нередко используются как

Распределение территории и размещение населения России и СССР в зависимости от географической широты

Широтные зоны (градусы северной широты)	Площадь (млн км ²)	Доля (%)	Население (млн человек)	Доля (%)
Россия				
Южнее 42	—	—	—	—
42-50	0,84	4,9	24,9	16,9
50-60	6,90	40,6	114,0	77,3
60-66,5	5,49	32,2	6,2	4,2
Заполярье	3,80	22,3	2,3	1,6
СССР				
35-40	0,53	2,4	10,9	3,8
40-50	4,26	19,1	117,4	40,1
50-60	8,17	36,7	149,9	52,3
60-66,5	5,49	24,7	6,2	2,2
Заполярье	3,80	17,1	2,3	0,8

синонимы. Первое - условие необходимое, но недостаточное для развития современной урбанизации с характерным для нее, прежде всего, усвоением горожанами урбанистической культуры и их повышенными требованиями к качеству жизни, комфорту городской среды, масштабу социально-информационного разнообразия и т.д. Ведь именно эти фундаментальные характеристики, а не формальные статистические данные отражают суть урбанизации страны (или района).

С данной точки зрения, Россия в XX веке, сделав огромный рывок, заметно приблизилась к западным странам в части роста и концентрации городского населения (условие урбанизации), но по-прежнему значительно уступает им по фундаментальным качественным характеристикам процесса развития урбанизации. В этом - решающем - плане ответы советской урбанизации на вызовы времени не были убедительными.

В еще большей мере движение урбанизации испытало сопротивление пространства страны с ее огромными территориями, обладающими суровыми природными и социальными условиями. Ведь сегодня Россия - наиболее северное государство мира с самым холодным климатом. Нигде в мире не получила столь широкого распространения вечная мерзлота, как в России, где она занимает 53% территории (9 млн км²). Этот "божий бич" российского государства требует колоссальных материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов общества для обеспечения приемлемых условий жизни для человека, особенно на капитальное жилищное и транспортное строительство. Ведь, как видно из таблицы 2, более 95% территории и 83% населения России расположено к северу от 50-й параллели.

По меткому замечанию Ю. Гладкого, можно лишь удивляться тому, что популярная и учебно-методическая литература, средства массовой информации окружили романтикой этот "жуткий" природный феномен: здесь и пафос освоения "дешевых" несметных богатств, и "стройки века", и детали о местах захоронения мамонтов, и многое другое, столь же серьезное. А ведь главное - тот фундаментальный факт, что огромная часть национальных богатств России в течение столетий периодически "съедается" вечной мерзлотой [Гладкий, 1998].

На серьезные трудности пространственного развития (колонизации) России обращал внимание еще в начале XX века академик М. Любавский в уникальном труде по истории русской колонизации. Он подчеркивал, что "главным является вопрос

о том, как и почему русский народ разбросался в Восточной Европе и Северной Азии на территории, далеко не соответствующей его численности. Несоответствие между величиной территории и количеством населения России и в настоящее время - факт, резко бросающийся в глаза". И далее: "Нельзя не признать, что разбросанность населения России была и продолжает быть сильным тормозом в ее культурном развитии, в экономическом, умственном и гражданском преуспевании" [Любавский. 2000, с. 23, 24]. Эти принципиальные воззрения, основанные на глубоком историко-географическом анализе тысячелетней русской колонизации, были опубликованы еще в 1909 году.

Позднее ряд авторов высказывал обоснованные сомнения относительно попыток форсированного развития восточных районов СССР. Выделим среди них А. Минца, в работах которого подчеркивалась важность усиления роли западных районов в процессе углубления разделения труда и специализации макрорегионов страны [Минц, 1974].

Тем не менее и поныне преобладает недооценка трудностей, связанных с "сопротивлением" пространства, во многом благодаря психологии крупной страны, "географической эйфории" от безбрежных пространств, "безграничных" ресурсов и возможностей России, от естественного желания освоить и охватить все неосвоенное и в как можно более короткие сроки, не считаясь с экономической оправданностью крупных капиталовложений, со сроками их окупаемости, пренебрегая возможностями использования уже существующих промышленных районов [Зимин, Одесер. 1989]. Сказывается традиционное преувеличение роли ресурсных факторов в нашей социально-экономической географии и практической деятельности.

В целом урбанизацией к настоящему времени охвачены сравнительно небольшие территории в европейской России, а за Уралом - только узкая южная полоса вдоль Транссибирской магистрали. Несмотря на политику сдвига на восток, провозглашавшуюся десятки лет, центр городского расселения России с 1959 года практически стабилизировался южнее Уфы [Трейвиш, 2000⁸]. При этом и без того невысокие качественные стандарты урбанизации, о которых говорилось выше, в восточных и тем более в северных районах страны заметно падают, а местами сходят почти на нет.

За Уралом сопротивление пространства особенно велико. Это подтверждают и значительный отток населения из северных и восточных районов России, начавшийся в 1990-х годах (свыше 1 млн человек), и кризис энергетической системы и обеспечения теплом населения этих районов (особенно зимой 2000/2001 годов), и многие другие процессы, показывающие всю несостоятельность традиционных и все еще звучащих призывов "развивать север любой ценой".

Очевидно, сжатие "экономической ойкумены" России, отчетливо проявившееся в 1990-х годах [Пивоваров, 1997], продолжится и в первые десятилетия нового века. Это подтверждает прогноз пространственного перераспределения населения до 2020 года, который предусматривает его дальнейшее движение с востока на запад и с севера на юг [Андреев, Харьков, 2000]. Независимо от вариантов (высокий, средний, низкий), по этому прогнозу к 2021 году заметно уменьшится доля населения России, проживающая в Дальневосточном, Восточно-Сибирском, Северном и Волго-Вятском районах, а наибольший относительный рост населения ожидает Калининградскую область и Северный Кавказ (расчеты не учитывают возможные последствия войны в Чечне). По среднему варианту прогноза в 1999-2021 годах численность населения Дальнего Востока уменьшится с 7261 тыс. человек до 5807 тыс.. Восточной Сибири - с 9030 до 7972 тыс., Северного района в европейской России - с 5747 до 4800 тысяч.

В XX веке Россия осуществила исторический переход от сельского, патриархального, аграрного общества к городскому и индустриальному, составившему основу модернизации страны. Однако адаптация вчерашних крестьян к городской культуре

и цивилизации - тому, что образует основу современной урбанизации, - резко отставала от масштабного роста и концентрации городского населения (предпосылки урбанизации). Качественные параметры городского развития далеко не соответствовали западным стандартам. Но это не дает достаточных оснований говорить о "ложной" урбанизации в СССР-России. Наоборот, она была такой реальной, какой это было возможно в условиях "реального социализма". Именно поэтому Россия во многом осталась сельской страной: большинство горожан имеет глубокие сельские корни, привязанности и предпочтения; многие города лишены городской среды в ее современном понимании, а урбанизация характеризуется незавершенностью, переходностью, маргинальностью, противоречивостью развития, т.е. остается такой, каким оставалось само общество. Вот почему важно освободиться от "школьных" завышенных представлений об уровне урбанизации России, реально оценивать большой потенциал урбанистического развития страны и всю необоснованность взглядов о наступлении якобы этапа "контрурбанизации".

Сегодня принципиально изменилось научное знание о процессе урбанизации. На смену абстрактным упрощенным представлениям и идеологизированным мифам пришло более глубокое понимание сложных реалий и концептуальное видение сущности одного из наиболее ярких глобальных процессов современности. Главная задача дальнейших исследований и прикладных разработок представляется в переносе акцентов с материально-пространственной основы, градостроительного проектирования, географической формы ("геометрии пространства") на содержательное изучение урбанизации, связанное, прежде всего, с поведением и положением человека в городском пространстве. Эти изменения акцентов сдерживали (и сдерживают) традиции формализованного (от формы поселения) подхода. Позволяя десятилетиями уходить от острых социальных проблем, они оказались весьма живучими сначала в известных работах 1970-х годов по сельскому расселению, а затем и по городскому, особенно в связи с проектированием групповых систем населенных мест, изучением городских агломераций, единой системы расселения. Точно так же переоценка расселения и недооценка их социального наполнения были характерны для градостроительно-планировочной деятельности, в частности при разработке Генеральной схемы расселения на территории СССР в 1970-1980-е годы и других государственных документов по перспективам градостроительства. И все это, несмотря на классические, сохранившие актуальность труды Н. Баранского и Р. Кабо и более поздние работы Ю. Медведкова и ряда других авторов о первостепенной роли человека в процессе урбанизации. Такая "глухота" в угоду надуманным концепциям сыграла свою роль в кризисе российского города.

Тупиковость урбанистической ситуации в России сегодня складывается в значительной мере от того, что и научная элита, и общество пока не в состоянии реально оценить городские процессы с современных позиций, не искаженных недавним прошлым с его мифами и сказками. Но для движения вперед, вывода городов из кризиса важно, прежде всего, уяснить, что с ними и с нами произошло. Первый необходимый шаг на этом пути - представленная на базе антропокультурной концепции более трезвая оценка итогов урбанизации России за последние сто лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А., Зубаревич Н. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М., 1999.

Андреев Е.М., Харьковская Т.Л. Прогноз населения России до 2020 года // Население России 1999. М., 2000.

Ахиезер А.С. Город-фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.

- Вишневецкий А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- Гладкий Ю.Л.* Евразийское "неудобье" как индикатор природной и социально-экономической специфики России // Известия Российского географического общества. 1998. № 1. 2.
- Глазычев В.Л.* Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995.
- Горностаева Г.А.* Особенности современной урбанизации в СССР // Мировая урбанизация: географические проблемы. М., 1989.
- Зайончковская Ж.А.* Россия: миграция в разном масштабе времени. М., 1999.
- Зимин В.П., Одессер С.В.* Эволюция старопромышленных районов развитых капиталистических стран и использование результатов ее изучения для условий СССР // География и проблемы регионального развития. М., 1989.
- Коган Л.К.* Городские корни кризиса // Правила игры. 1998. №4.
- Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000.
- Миц А.А.* Прогнозная гипотеза развития народного хозяйства Европейской части СССР // Ресурсы, среда, расселение. М., 1974.
- Пивоваров Ю.Л.* Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 5.
- Пивоварок Ю.Л.* Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы. М., 1999.
- Сенявский А.С.* Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999.
- Трейвиш А.И.* А.А. Миц и прогноз регионального развития // Известия РАН. Серия географическая. 2000. №5.
- Трейвиш А.И.* Остров Россия на пороге XXI века как часть мировой экономики // Геополитическое положение России: представления и реальность. М., 2000.
- Шкаратан О.И.* Парадоксы советской урбанизации // Судьбы современного города. М., 1990.
- Harris Ch.D.* Cities of the Soviet Union. Chicago, 1970.